

Я не верю в дружбу народов

Польский режиссер Ежи ГОФФМАН признается, что только любовь к кинематографу не позволила ему посвятить жизнь другому увлечению — истории Польши. И благодаря этому история всемирного кинематографа пополнилась такими фильмами, как "Гангстеры и филантропы", "Захарь", "Прекрасная незнакомка", экранизацией трилогии Сенкевича — "Пан Володыевский", "Потоп", "Огнем и мечом". Пан Гоффман не просто снимает игровые фильмы — он пытается объединить два главных увлечения своей жизни, создавая посредством кино некое художественное сплетение исторических хроник, легенд и авторской фантазии. И его новая картина "Старинная легенда: когда солнце было Богом", показанная на открытии XXXIII Международного кинофестиваля "Молодость" в Киеве вдохновлена языческими славянскими мифами и созданной на их основе повестью польского беллетриста XIX века Юзефа Крашевского.

— Пан Гоффман, вы огромное внимание уделяете историческим фильмам и фантазиям на историческую тему. Вам совсем не интересна жизнь современной Польши?

— Скажу вам, что, когда мы были молодые и только пришли в кино, мы начали нашими фильмами так называемую "черную серию" польской документалистики. Это были резкие фильмы на темы, которые раньше считались табу. Восемь лет снимали кино о существенных для страны проблемах. Мы были молодые, жили жизнью молодых, понимали их и говорили на том же языке. Первые наши художественные фильмы — "Гангстеры и филантропы", "Закон и кулак", "Три шага по земле", "Отец" — о детях высокопоставленных товарищей, так называемой "золотой молодежи". Сейчас, чтобы говорить о молодых, я слишком стар. Я не хочу быть похожим на старого мэтра, который лишь брюзжит. А чтобы говорить об очень трудной жизни наших пенсионеров, которые всю жизнь проработали честно и тяжело, а сейчас с трудом сводят концы с концами, я, увы, слишком молод духом. Меня не интересует и патология такого типа, как наркомания, умалишенные и тому подобное. Поэтому теперь у меня осталась одна тема, которая присуща человеку независимо от времени и моды, — это человеческие страсти. Это то, что присуще человеку со времен Адама и Евы. Любовь вечна — любили тогда, любят сейчас и так же будут любить в будущем, если, конечно, нас всех не клонируют. Ревность, ненависть, жажда власти — все это человеческое. И скажу вам, что исторические персонажи были бы достойным маленькой группки ученых, если бы Шекспир не увековечил их человеческие страсти.

— Ваш фильм "Огнем и мечом" стал первой коммерческой сделкой польского кинематографа с банковскими структурами, а вас стали называть первым генпродюсером польского кино. Как вы ощущали себя в этой роли?

— Да, мы тогда впервые с продюсером Ежи Михалюком в частном порядке взяли кредит в банке — более 4 миллионов долларов. И после пяти недель проката картина принесла прибыль — 35 миллионов долларов. Тогда кредит был возвращен даже до срока. Правда, половину из этих денег оставили себе банк, дистрибьютеры и кинотеатры. Я точно знаю, что именно на эти средства почти сотня наших кинотеатров смогла поменять свое техническое оснащение и тем самым усовершенствовать национальную систему проката.

— Значит, вам все-таки удалось совершить переворот в кинопро-

изводстве и изменить отношение польских банкиров к кино?

— Это так. Сегодня польские банки открыты для кинематографистов, но не все могут воспользоваться этим умело.

— Но ведь банкиры могут начать диктовать свои условия, и придется снимать только коммерческие картины. Как тогда быть с искусством?

— Я никогда не делю свои картины на коммерческие и авторские. Для меня существуют только хорошие фильмы и плохие. Помните, ведь на Чарли Чаплина и Феллини ходили все. Их фильмы заставляют смеяться и плакать и интеллектуала, и кухарку. И никто ни разу не назвал их коммерческими режиссерами.

— Тогда что же для вас означают понятия "дорогой" и "дешевый" фильм?

— "Дорогой фильм" — это фильм, который не приносит прибыли. А "дешевый фильм" — тот, который стоит много, а приносит еще больше.

— Пан Гоффман, что для вас является критерием успеха фильма?

— Для меня самое большое поражение — пустой кинозал.

— Во время вашего пребывания на кинофестивале "Молодость" между Украиной и Россией разгорелся конфликт по поводу острова Тузла. Что вы вообще думаете о межнациональных распрях?

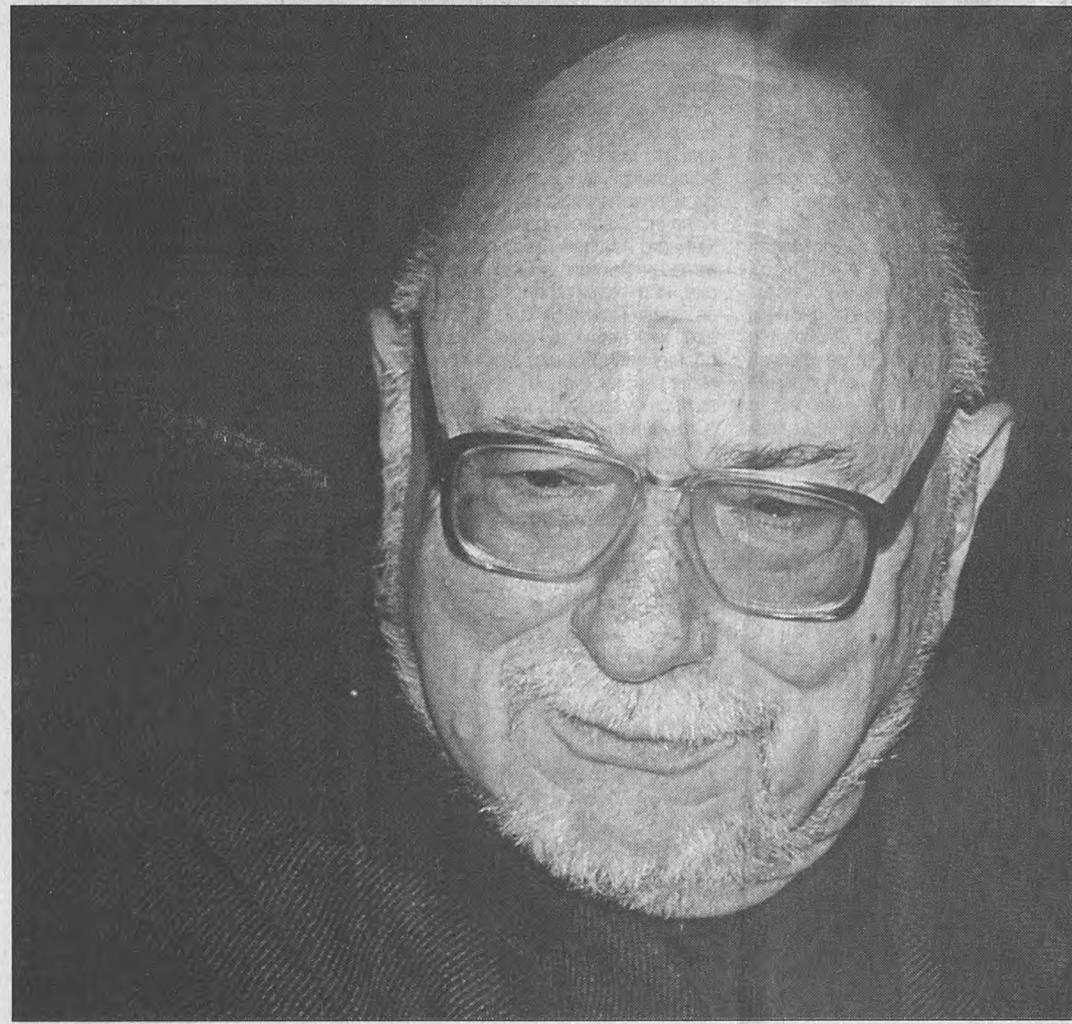
— Россия по своей традиции экспансивна. Это достаточно большая и потенциально богатая страна, чтобы на своих огромных территориях заниматься собой, не вторгаясь в дела Белоруссии, Украины, Кавказа и т.д. Я, как художник, не раз затрагивал в своих картинах проблемы межнациональных предрассудков между Украиной и Польшей, участвовала в этих конфликтах и Россия. Я не политик, я просто хочу засыпать огромную канаву, вырытую столетиями войн, чтобы больше не было поколений вендетты. Я не верю в дружбу народов, но верю в дружбу и любовь между людьми.

— Это, по-вашему, спасет мир?

— Мир спасет открытость народов по отношению друг к другу и, конечно, общая политика и экономика. Но при этом нельзя забывать: откуда мы вышли, историю своего народа, культуру, землю, где покоятся наши предки. Культура национальная, все остальное может быть универсальным.

— А что для вас значит вера и религия?

— Я не религиозен, но в существование Бога верю, хотя в церковь не хожу и религиозных формальностей не соблюдаю. Верю и в то, что человек сам творец своей судьбы. Бесильны мы лишь тогда, когда уходят близкие. Так случилось, что в один

Е. Гоффман

год от меня ушла мама и мой самый большой друг — жена Валентина, с которой у нас был сумасшедший роман целых 38 лет, закончившийся только с ее смертью. Она была киевлячкой, поэтому я приезжаю на Украину и в Киев как к себе домой. Здесь у меня огромное число друзей и родственников. Валентина ушла за полтора месяца до премьеры нашего общего "ребенка" — фильма "Огнем и мечом". А моя дочь сейчас замужем за европейцем и давно живет в США. Так что я остался один со своими фильмами и актерами.

— Пан Гоффман, года два назад на кинофестивале "Молодость" вы заикнулись о том, что планируете снять свою "Сибириаду". Почему вас привлекает этот проект?

— Это воспоминания детства. Когда началась война, мне было восемь лет, и вместе с родителями нас депортировали из Польши в Сибирь. Вернувшись после войны на родину, я уже в 13 лет знал, что такое самогон-первач, самокрутка, карты, нож, свинцовая плетка и даже женщина.

— Когда же мы увидим вашу "Сибириаду"?

— Сегодня я занят только тем, чтобы отдать банковский кредит за "Старинную легенду". И пока не рассчитаюсь до последнего доллара, ни о чем другом думать не могу. Ведь последние два фильма мы сняли на то, что заложили в банке все, что у нас было: дом на Мазурах, мою квартиру, квартиру моего продюсера, все наши личные сбережения. Я уже пробовал найти деньги у польских банкиров на "Сибириаду", но эта тема им неинтересна. Может быть, поеду в Сибирь, где нефть, деньги и люди с душой русского купца, которые, если полюбят мои фильмы, то может, и дадут

деньги... Но вообще-то пока не верну кредит — я парализован.

— Этот кредит больше, чем вы брали на фильм "Огнем и мечом"?

— Наоборот, в два раза меньше — два с половиной миллиона долларов. Но те, кто посмотрел картину, думают, что она стоит в десять раз больше, потому что мы сделали все, чтобы ни одна копейка не окзалась "за кадром". Когда мы планировали бюджет "Старинной легенды" — знали — если фильм будет дорогим, то его шансы не велики. Ведь история "Огнем и мечом", которую посмотрели почти восемь миллионов поляков, повториться уже никогда не сможет. Это был фильм-легенда, о котором все знали, знали, что Гоффман в течение одиннадцати лет не может его закончить из-за цензуры. Вся страна следила за тем, как я собирал на него деньги. К тому же в то время происходило полное обнищание народа, увеличивалась безработица и появились... мобильные телефоны.

— Каким же образом мобильные телефоны могли повлиять на развитие польского кинематографа?

— Самым прямым! Ведь кто основной кинозритель? Молодые люди. И если это не бандиты или дети бандитов, то те деньги, которые они раньше тратили на кино, сейчас идут на телефонные разговоры. В Польше было подсчитано, что в месяц это приравнивается как минимум к трем-четырем посещениям кинотеатра.

— Но ведь на американское кино польская молодежь ходит? Как вы к нему относитесь?

— Лично я очень высоко ценю американское кино категории "А". Например "Полуночный ковбой", "Апокалипсис" — это фильмы, уровня кото-

рых по профессионализму и всяким техническо-финансовым возможностям мы никогда не достигнем. Но другое дело, что каждая страна должна защищать и развивать свой кинематограф. Это давно уже поняли и во Франции и создали специальное, очень умное законодательство. Во-первых, у них для национального кинематографа снижены налоги. Во-вторых, каждая копия, привезенная в страну, должна быть напечатана только на французской студии, что дает работу французским рабочим и деньги стране. По их образцу пошли во многих других странах Европы. У нас нет закона, который бы делал промоушн отечественной культуре, давая ей постоянный экономический базис, независимый от хорошего настроения нашего правительства: если президент или премьер-министр любит кино, то он по доброй воле может что-то на это кино выделить. А капитал, который искусство вырабатывает для умственного развития человека, в деньгах не просчитывается. Хотя американцы делают на этом самый большой бизнес в мире: они покупают именно мозги, понимая, что нет более ценного капитала.

— Пан Гоффман, каковы ваши принципы при выборе актеров?

— Выбор актера в профессии режиссера — самый ответственный момент. Ведь если в театре можно что-то исправить даже после сотога спектакля, то в кино уже не исправить. Я люблю актеров, особенно тех, с которыми работаю, и потому редко их меняю. Всем давно известно, что кинозвезда является локомотивом, который тянет весь фильм. А что такое кинозвезда? Можно быть блестящим, гениальным актером, но никогда не стать кино-

звездой. И можно быть актером похуже и стать ею. Это зависит, в первую очередь, от индивидуальности человека и рекламы, которая на него работает. Вот, например, наш Тадеуш Ломницкий. Это крупнейший польский актер за последние полвека. Он совершенно непревзойденный в театре. Играл Шекспира, он становился великаном. А в кино, сыграв более чем в 50 фильмах, для кинозрителей был совсем неузнаваем. И я чувствовал, что из-за этого в нем было какое-то внутреннее ущемление. А когда снялся в "Пане Володыевском", то в один день стал героем всей страны. Так вот, во всем мире смысл приглашения и где принимают, берут их и платят безумные гонорары, потому что благодаря раскрученным именам на фильм пойдут зрители. А у нас принято, что если есть хороший актер, любимец публики, то я должен искать другого и, как бы по высокохудожественным соображениям, сделать все наоборот. А я не хочу наоборот!

— А чем обусловлен выбор на роль в фильме "Старинная легенда..." российской актрисы Марины Александровой?

— Она просто мне понравилась. В "Легенде" у нее нет такой роли, как была у Александра Домогарова в "Огнем и мечом". У него была блестящая роль, написанная самим Сенкевичем, и Домогаров после одного фильма стал звездой польского кино. Я взял Марину не потому, что считал: должна быть обязательно русская актриса. Для меня вообще национальность актера не имеет значения. Всюду в мире англичане играют у итальянцев, французы — у турок, а у американцев вообще все на свете. Но я не мог в Польше найти девушку, которой было бы 19 лет, очень красивую, очень талантливую и с большим киноопытом. Были и талантливые, и красивые, но без опыта. А я не могу с одним актером работать три-четыре часа, когда меня ожидают сотни статистов, и где каждый час — это деньги. И счастье мое в том, что вместе со мной работал прекрасный оператор Павел Тимофеевич Лебешев (он, к сожалению, не дожил до премьеры, как и второй наш оператор — Ежи Ющик), и в последний момент, когда я уже думал о замене актрисы, он сказал: "В фильме "Азazelь" я снимал одну актрису. Может, ее посмотришь?" Мы сделали дубли, и Марина сразу же вошла в фильм.

— Вы часто приезжаете на кинофестиваль "Молодость". Чем он вас привлекает?

— Мне нравится, что сюда приезжают молодые люди, показывают свои картины, у них есть возможность пообщаться. Я вам расскажу один случай. Во время съемок "Огнем и мечом" заглянул к нам один из крупнейших американских кинокритиков. Побывал на площадке и сказал: "Не хочу вас обидеть, но вы человек пожилой, а вокруг вас столько молодых. Как так?" Тогда я его спросил: "Вы читали Ветхий Завет?" — "Да, а что там такое?" — "А вы перечитайте, — говорю я. — Когда у царя Давида стала стечь кровь, он велел себя обкладывать молодыми женщинами. Вот вам и ответ..."

Беседу вела
Влада ЛЕППКЕ
Фото Дмитрия ТКАЧЕНКО
(ИИЦ "Парнас",
специально для "Культуры")
Киев — Москва